

Разогреева Анна Михайловна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права и
криминологии, юридический факультет,
Южный федеральный университет,
344007, г. Ростов-на-Дону,
ул. М. Горького, д. 88,
e-mail: a.razogreeva@gmail.com

Razogreeva, Anna M.,
PhD in Law, Associate Professor
of the Department of Criminal Law and
Criminology, Law Faculty, Southern Federal
University, 88 M. Gorkogo St., Rostov-on-Don,
344007, Russian Federation,
e-mail: a.razogreeva@gmail.com

Евсеенко Владислав Вячеславович,
магистрант 3-го года обучения,
программа «Уголовная юстиция»,
юридический факультет,
Южный федеральный университет,
344007, г. Ростов-на-Дону,
ул. М. Горького, д. 88

Evseenko, Vladislav V.,
Undergraduate 3 years of study,
Criminal Justice Program,
Law Faculty, Southern Federal University,
88 M. Gorkogo St., Rostov-on-Don,
344007, Russian Federation

НАКАЗАНИЕ: ЗАКОН — ДИСЦИПЛИНА — БЕЗОПАСНОСТЬ



PUNISHMENT: LAW — DISCIPLINE — SECURITY

АННОТАЦИЯ. Основная цель настоящей статьи — посмотреть на современное регулирование отдельных видов наказаний и практику их назначения российскими судами через призму концепции М. Фуко о модуляциях управленченности, в качестве которых он называет закон, дисциплину и безопасность. Применяя эту триаду к институту уголовного наказания, мы трансформируем ее в возмездие, исправление и безопасность и в этой перспективе анализируем современный уголовно-правовой дискурс о целях наказания, законодательные изменения в части содержания отдельных видов наказания и статистические данные Судебного департамента при Верховном суде РФ о применении отдельных видов наказаний. В результате исследования мы приходим к выводу о видимом усилении модуляции безопасности, которое, по нашему мнению, должно найти отражение и в законодательной коррекции целей наказания.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: уголовное наказание; цели наказания; возмездие; исправление; безопасность; дисциплина.

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Разогреева А.М., Евсеенко В.В. Наказание: закон — дисциплина — безопасность // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. 2019. Т. 6. № 4. С. 78–85. DOI: 10.23683/2313-6138-2019-6-4-13

ABSTRACT. The primary objective of the present article is to examine how particular types of punishment are regulated nowadays and how Russian courts impose them. The examination is done through the prism of Michel Foucault's concept of management modulations, such as law, discipline and security. By applying it to the criminal punishment institution, we transform this triad into retaliation, correction and security. This is the perspective we use to analyse the following: today's criminal legal discourse on the aims of punishment; legislative changes concerning the contents of particular types of punishment; statistic data on imposition of particular types of punishment, provided by Russian Supreme Court's Judicial Department. The research brings us to the conclusion that the security modulation has been notably enhanced — this, in our opinion, should be reflected in legislative correction of the aims of punishment.

KEYWORDS: criminal punishment; aims of punishment; retaliation; correction; security; discipline.

FOR CITATION:

Razogreeva, A.M., Evseenko, V.V. Punishment: law — discipline — security. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. 2019. Vol. 6, No. 4. P. 78–85 (in Russian). DOI: 10.23683/2313-6138-2019-6-4-13

Введение

М. Фуко открывает свой курс лекций 1973 года «Безопасность, территория, население» рассуждениями о природе и механизме безопасности на примере действия уголовно-правовых норм. Логика его рассуждений выстраивается следующим образом. Есть некий базовый уголовно-правовой запрет — «не укради», работающий в связке с определенным наказанием (наказаниями) за это преступление. Эта работа может осуществляться в трех модуляциях, которые не сменяют друг друга, а последовательно наслаиваются одна на другую: закон — дисциплина — безопасность.

Модуляция первая (закон): бинарная оппозиция преступления и наказания. Наказание в этом случае работает как прямое возмездие, фактом своего применения снимающее сам социальный след совершения преступления, символически восстанавливающее нарушенный преступлением общественный порядок.

Модуляция вторая (дисциплина): в случае совершения преступления в центр наказательного воздействия помещается тело осужденного, которое подвергается сложным практикам, в ходе которых «виновный подвергается воздействию целой серии процедур, осуществляющих работу по его трансформации — трансформации, по существу, в режиме того, что называют пени-тенциарными техниками: обязательного труда, воспитания, исправления и т. п.» [8, с. 17–18]. Результатом подобной трансформации становится создание новых «послушных» субъектов, пригодных к труду и жизни в разумно организованном современном обществе.

Модуляция третья (безопасность): есть уголовно-правовой запрет, есть наказания за него, есть дисциплинарные практики, применяемые для коррекции индивида в ходе исполнения наказания. Но к этому набору начинают задаваться статистически фундированные вопросы: «Какой... оказывается для общества сравнительная цена краж и борьбы с ними, что будет дороже — незначительное ослабление контроля над ворами или опять-таки не очень серьезное, но усиление противодействия воровству? ... Существует ли — независимо от того, какому наказанию он подвергся и поддается он перевоспитанию или нет, — опасность его возвращения к преступной деятельности?» [8, с. 18]. По большому счету, ключевой вопрос

функционирования модуляции безопасности состоит в том, как разумными экономическими вложениями обеспечить приемлемый для нормальной жизни уровень преступности (в том числе и путем экономного и разумного использования мер уголовного наказания). При этом важно иметь в виду, что первая и вторая модальность продолжают работать на обеспечение безопасности, но к ним присоединяются специфические инструменты собственно безопасности.

Цель настоящей статьи — определить соотношение модальностей закона — дисциплины — безопасности в современном уголовно-правовом дискурсе о целях и сущности наказания, законодательной регламентации и практике применения отдельных видов наказания.

Современный уголовно-правовой дискурс о механизме воздействия и целях наказания

Перед и некоторое время после принятия в 1996 года действующего УК РФ в российской уголовно-правовой доктрине продолжалась советская дискуссия о каре как цели и (или) сущности уголовного наказания. Законодательное определение, содержащее указание на то, что наказание заключается в предусмотренном кодексом лишении или ограничении прав и свобод лица, совершившего преступное деяние, действительно, предоставляет некоторое поле для обсуждения. Общим местом является положение о том, что кара есть средство, но не цель. Так, В.К. Дуюнов пишет, что понятия являются лишь близкими по значению, но не синонимичными. Под карой понимается реакция на проступок определенного лица, носящая характер его порицания и совершенного им проступка, имеющая целью оказать на виновное лицо и его поведение необходимое воспитательно-психологическое и иное предупредительное воздействие. Наказанием признается государственное осуждение преступления и лица, признанного виновным в его совершении [1, с. 44, 49]. В таком подходе рассуждения о каре (лишении или ограничении прав и свобод лица, предусмотренных уголовным законом), по сути дела, описывают механизм уголовно-правового воздействия, работающий при назначении и исполнении наказания.

Вместе с тем существует другая позиция, озвученная А.В. Наумовым: «...лишения и тяготы,

испытываемые осужденным, в определенной степени являются искуплением его вины» [3, с. 339]. Именно карательное содержание наказания является своеобразным уголовно-правовым способом восстановления социальной справедливости [3, с. 346]. Восстановление социальной справедливости (воздаяние) и есть кара: прямое ограничительное воздействие без каких бы то ни было дополнительных эффектов само по себе есть воздаяние. Именно эта позиция кажется нам адекватной первой фуколдрианской модуляции: применение закона с его ограничениями само по себе есть воздаяние. Полагаем, что в этом случае речь идет не о прямом возмещении вреда, как, например, требует Б.Т. Разгильдиев — не только объем ответственности, равный преступлению, но и заглаживание материального вреда [6, с. 734], но лишь о символическом воздаянии путем применения закона (смертная казнь работает именно таким образом).

Под исправлением в соответствии с ч. 1 ст. 9 УИК РФ понимается формирование у осужденных уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирование правопослушного поведения. Ю.Е. Пудовочкин критикует данный подход за чрезмерно широкое понимание исправления как существенной коррекции человеческой личности: «...В этой формуле нашел отражение так называемый “широкий” взгляд на исправление “моральное”, “нравственное”, при котором ценности человеческого общежития осужденный соблюдает глубоко осознанно, а не из-за боязни нового наказания» [5, с. 166]. А.Э. Жалинский также полагал, что узкий подход к исправлению точнее: цель исправления осужденного «по существу, представляет собой цель специального предупреждения (специальной превенции) преступлений и достигается, когда осужденный не совершает новых преступлений» [2, с. 376]. Мы же, однако, полагаем, что исправление как цель наказания — синоним модуляции дисциплины у М. Фуко. Идеальное дисциплинарное понимание цели исправления в советской доктрине уголовного права в свое время представил И.С. Ной, который писал: «Исправление и перевоспитание осужденных как главная цель наказания может считаться достигнутой лишь в том случае, если

достигнуть морального исправления человека, совершившего преступление, т. е. если новое преступление он не совершит не из-за страха перед законом, а потому, что это противоречило бы его новым взглядам и убеждениям» [4, с. 41]. Мы можем задавать вопросы к практикам реализации тех видов наказания, в содержание которых заложен эффект исправления, использование которой не приводит к существенной коррекции индивида. Но нельзя отрицать, что само по себе использование дисциплинарных практик изначально (в период модерных преобразований уголовного права) было заточено именно на это. Здесь нужно добавить, что даже неэффективные с точки зрения достижения цели исправления пенитенциарные практики оказываются вполне рабочими, если в качестве их итоговой цели рассматривать обеспечение безопасности.

Общая превенция — в чистом виде работа устрашения: и от самого факта установления ответственности за преступления, и от осведомленности неопределенного круга лиц о практике применений уголовных наказаний. Для французских просветителей конца XVII — начала XVIII века достижимость данной цели связывалась с двумя прагматическими обстоятельствами: всеобщей грамотностью и доступностью языка закона. Сегодня механизмы общей превенции очевидно меняются, и важным фактором становится медийная составляющая. И в том, и в другом варианте общая превенция вполне укладывается в модус безопасности: используются организационные меры для снижения уровня преступности.

Специальная превенция в российской науке уголовного права обычно понимается как предупреждение совершения преступных деяний лицом, ранее их совершавшим, посредством психического или физического воздействия. М.Н. Становский поясняет, что специальное предупреждение реализуется совокупностью лишений и ограничений прав и свобод лица, совершившего преступное деяние. Физическое воздействие, выраженное в лишении свободы на определенный срок, пожизненном заключении, лишает возможности лицо совершать новые преступления. Психическое воздействие состоит в устрашении применением более строгого наказания, а также заключается в моральном или материальном ограничении прав

лица, совершившего преступное деяние [7, с. 24]. Сам механизм воздействия также четко укладывается в модальность безопасности.

Таким образом, если подводить итог краткому обзору мнений о целях наказания и способах их достижения в отечественной науке уголовного права, то традиционная триада закон — дисциплина — безопасность вполне может быть рассмотрена как восстановление социальной справедливости (символическое возмездие) — исправление (в широком смысле как коррекция индивида путем применения дисциплинарных пенитенциарных практик) — безопасность (как удержание лиц от совершения преступления путем информирования и устрашения для неопределенного круга лиц и путем снижения фактической возможности его совершения для лица, к которому применяется уголовное наказание).

Соотношение возмездия — исправления — безопасности при регламентации отдельных видов наказаний в УК РФ

В данной части статьи в динамике законодательных изменений мы предполагаем проанализировать содержание отдельных видов наказаний с точки зрения наличия доминантных механизмов возмездия — исправления — безопасности.

В этой системе координат штраф, который представляет собой вид уголовного наказания имущественного характера и выражается в денежном взыскании в установленных законом пределах, является чистой формой возмездия. Изменения, связанные с введением кратного штрафа, лишь усилили в нем это начало.

Лишение права занимать определенную должность или заниматься определенной деятельностью, по нашему мнению, в наибольшей степени решает задачу обеспечения безопасности — снижения реальной возможности у лица совершения в будущем однотипных преступлений и предупреждения об этом круга лиц, потенциально могущих совершить подобные преступления (коррупционные, служебные, должностные). Изменения, внесенные ФЗ от 27.07.2009 о возможности назначения в специальных случаях как дополнительного наказания на срок до двадцати лет, указывают на возрастание роли этого наказания в обеспечении долговременной безопасности.

Лишение специального воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград, являющееся дополнительным наказанием и представляющее собой лишение виновного лица званий, присвоенных по роду деятельности в случае совершения тяжкого или особо тяжкого преступного деяния, по нашему мнению, носит исключительно возмездный характер: лицо лишается определенных льгот и привилегий, предусмотренных соответствующими званиями и наградами. Назначение данного наказания многие ученые связывают с существенным моральным воздействием на лицо, изменение социального статуса которого символически способствует восстановлению социальной справедливости.

Обязательные работы — исправительное по сути наказание, являющееся альтернативой лишению свободы. ФЗ РФ от 08.12.2003 № 162-ФЗ внесены изменения в ст. 49 УК РФ, а именно: расширен круг лиц, к которым могут устанавливаться обязательные работы в качестве наказания, установлена возможность замены обязательных работ в случае злостного уклонения лишением свободы. ФЗ РФ от 07.12.2011 № 420-ФЗ увеличен максимальный размер обязательных работ, составляющий четыреста семьдесят часов, а также установлена возможность назначения принудительных работ как альтернативы лишению свободы в случае злостного уклонения от отбывания обязательных работ. Указанные изменения позволяют говорить о законодательном расширении дисциплинарных инструментов, направленных на исправление лица, в российском уголовном законодательстве.

Исправительные работы закреплены ст. 50 УК РФ. Первоначальная редакция Уголовного кодекса РФ устанавливала, что исправительные работы отбываются по месту работы осужденного и выражаются в удержаниях из заработка. Расширение сферы применения наказания в отношении лиц, не имеющих постоянного места работы (ФЗ РФ от 07.12.2011 № 420-ФЗ), не связанного с лишением свободы, значительно усилило значение исправительных работ как альтернативы лишению свободы за преступления небольшой и средней тяжести. Основным характером воздействия исправительных работ, конечно, является исправление. Однако в этом наказании содержится выраженное воз-

дающее начало, связанное с удержанием части заработка в доход государства.

Ограничение по военной службе закреплено ст. 51 УК РФ и представляет собой наказание, назначаемое военнослужащим в виде удержаний из денежного содержания, проходящим военную службу по контракту, за преступления против военной службы, а также вместо исправительных работ. Представляется, что ограничение по военной службе как вид наказания является сочетанием модуляции возмездия и исправления.

Исключение из УК РФ конфискации как вида наказания снизило воздающий и общепредупредительный (безопасность) аспект данного института, но не уголовного закона в целом.

Существенные трансформации произошли с наказанием в виде ограничения свободы. Первоначально закрепленное как еще одна исправительная альтернатива лишению свободы, в действующей редакции УК РФ от 27.12.2009 этот вид наказания существует как мера контроля через перечень законодательных ограничений — не уходить из дома в определенное время суток, не посещать определенные места, не выезжать за пределы территории соответствующего муниципального образования и другие. Основное воздействие данного наказания — ограничение возможности для лица совершить новое преступление без существенной корректировки личности (безопасность).

Принудительные работы как отдельный вид уголовного наказания введены в УК РФ ФЗ от 07.12.2011 № 420-ФЗ и с 2017 года начали фактически применяться. Наказание в виде принудительных работ является альтернативным лишению свободы, не связано с изоляцией осужденного от общества и заключается в привлечении лица к труду в местах, определяемых учреждениями уголовно-исполнительной системы. Из заработной платы осужденного производятся удержания. С осужденными, отбывающими наказание в виде принудительных работ, администрацией исправительного центра проводится соответствующая воспитательная работа, предусмотренная ст. 60.12 УИК РФ.

В результате анализа положений уголовного и уголовно-исполнительного законодательства можно сделать вывод о том, что механизм воздействия данного вида наказания основан на концепциях исправления и возмездия.

По сути, не применяемое уголовное наказание в виде ареста (строгая изоляция лица от общества) основано на идее краткосрочной безопасности и возможности исправления путем сжатого по времени сильного психологического воздействия.

Содержание в дисциплинарной воинской части по самому своему названию и набору правоограничений представляет собой, в первую очередь, исправительное наказание.

Лишение свободы — исправительное по природе наказание. Воспитательное-трудовое воздействие в соответствии со ст. 103 и ст. 109 УИК РФ предусматривает трудовые обязанности осужденных и участие в воспитательных мероприятиях. В соответствии с ч. 2 ст. 82 УИК РФ режим создает условия для применения других средств исправления осужденных. Расширение возможности применения этого вида наказания за счет отказа от нижнего размера в санкциях статей Особенной части, по нашему мнению, не увеличивает исправительный потенциал наказания, так как короткие сроки лишения свободы способны достичь цели частной превенции, но не способны корректировать лицо. Такой же тренд на расширение начал безопасности, а не исправления, мы усматриваем в увеличении сроков наказания по совокупности преступлений и совокупности приговоров за преступления террористического характера с обязательным отбыванием части срока наказания в тюрьме (ФЗ РФ от 05.05.2014 № 130-ФЗ, ФЗ РФ от 06.07.2016 № 375-ФЗ, ФЗ РФ от 27.12.2018 № 569-ФЗ).

Основное назначение пожизненного лишения свободы, на наш взгляд, — обеспечение безопасности путем бессрочной изоляции лица от общества в исправительной колонии особого режима. Первоначальная редакция УК РФ предусматривала, что пожизненное лишение свободы устанавливается только как альтернатива смертной казни за совершение особо тяжких преступлений, посягающих на жизнь. ФЗ РФ от 21.07.2004 № 74-ФЗ изменена формулировка ч. 1 ст. 57 УК РФ: произошел отказ от понятия пожизненного лишения свободы как альтернативы смертной казни; расширена сфера применения путем включения особо тяжких преступлений против общественной безопасности, а впоследствии и на группу особо тяжких преступлений против здоровья населения

и общественной нравственности, половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста. В целом это говорит о расширении начал безопасности при регламентации этого вида наказания.

В соответствии с УК РФ не применяемая в настоящее время смертная казнь является высшей мерой наказания. Представляется, что смертная казнь соединяет в себе модуляции возмездия и безопасности.

Если смотреть на законодательную регламентацию отдельных видов наказания обзорно, можно сказать, что налицо усиление модуляции безопасности: удельный вес «чистых» практик безопасности в содержание отдельных видов наказаний (без исправления индивида)

возрастает при некотором перераспределении исправительной функции от лишения свободы к наказаниям, не связанным к ним и стабильной модуляции воздаяния.

Модуляции возмездия — исправления — безопасности в практике назначения судами уголовных наказаний

Для анализа практики судов в сфере назначения уголовных наказаний мы использовали формы отчетности Судебного департамента при Верховном суде РФ за период 2009–2018 гг. Сводная таблица представлена ниже. В верхней строке каждого вида наказания данные его применения в качестве основного, в нижней — в качестве дополнительного. Важно отметить, что условное лишение свободы выделено в

Таблица 1. Практика назначения судами РФ отдельных видов наказаний

| | 2009 | 2010 | 2011 | 2012 | 2013 | 2014 | 2015 | 2016 | 2017 | 2018 |
|---|---------|---------|---------|---------|---------|---------|---------|---------|---------|---------|
| Штраф | 131 402 | 123 495 | 113 503 | 113 358 | 116 214 | 111 842 | 86 620 | 100 055 | 90 289 | 85 353 |
| | 9997 | 9629 | 9989 | 10 195 | 9846 | 11 538 | 13 772 | 13 341 | 12 166 | 10 690 |
| Лишение права занимать определенные должности | 263 | 269 | 275 | 218 | 245 | 245 | 206 | 227 | 211 | 184 |
| | 7486 | 9923 | 12 599 | 12 124 | 12 225 | 11 437 | 19 555 | 61 280 | 66 105 | 64 285 |
| Лишение специального, воинского звания | 204 | 179 | 2 | 6 | 98 | 98 | 143 | 171 | 196 | 217 |
| Обязательные работы | 65 976 | 79 874 | 89 881 | 76 560 | 73 212 | 69 898 | 74 047 | 141 165 | 128 165 | 114 802 |
| Исправительные работы | 44 398 | 41 282 | 40 037 | 70 400 | 75 902 | 75 120 | 60 794 | 51 733 | 54 784 | 54 747 |
| Ограничение по военной службе | 89 | 138 | 91 | 213 | 140 | 241 | 205 | 280 | 278 | 188 |
| Ограничение свободы | 520 | 7941 | 10 994 | 25 269 | 32 052 | 26 983 | 20 827 | 25 371 | 25 099 | 23 009 |
| | | 1386 | 4 729 | 5791 | 6346 | 6886 | 7790 | 8639 | 9274 | 8905 |
| Принудительные работы | | | | | | | | 4 | 523 | 1 030 |
| Содержание в дисциплинарной воинской части | 180 | 496 | 517 | 323 | 275 | 180 | 191 | 121 | 100 | 102 |
| Лишение свободы на определенный срок | 289 204 | 265 840 | 227 050 | 206 254 | 209 709 | 209 448 | 211 170 | 206 372 | 200 225 | 190 325 |
| Пожизненное лишение свободы | 73 | 66 | 64 | 66 | 67 | 68 | 61 | 94 | 65 | 68 |
| Условное лишение свободы | 341 513 | 307 209 | 282 227 | 221 908 | 201 550 | 197 859 | 170 657 | 185 461 | 177 129 | 169 484 |
| Итого | 892 361 | 845 071 | 782 274 | 739 278 | 735 590 | 719 305 | 733 607 | 741 329 | 697 054 | 658 291 |

самостоятельную строку не только в связи с логикой организации отчетов судебной статистики. Не вдаваясь в дискуссию о юридической природе условного осуждения, необходимо отметить, что исправительный компонент в нем сведен к минимуму, а работает опция контроля над поведением. Таким образом, в системе координат настоящей статьи, практики условного лишения свободы относятся к модуляции безопасности.

Если смотреть на практику применения судами уголовных наказаний, то эффект усиления безопасности при назначении основных видов наказаний очевидно не проявляется. Да, медленно растет применение ограничения свободы как основного вида наказания. По данным Судебного департамента РФ, в 2010 году этот вид наказания был назначен 7941 человеку, в 2011 — 10 994, в 2012 — 25 269, в 2013 — 32 052, в 2014 — 26 983, в 2015 — 20 827, в 2016 — 25 371, в 2017 — 25 099, в 2018 — 23 009 человек. Таким образом, доля осужденных за десятилетний период наказания увеличилась примерно в три раза. Если в 2010 году наказание в виде ограничения свободы составляло 0,9 %, то в 2018 доля данного вида наказания составила примерно 4 % среди общего числа осужденных. Но этот рост не компенсирует снижения назначения лишения свободы условно, которое по своему механизму действия является не исправительным, а контролирующим способом исполнения наказания. Так, к отбыванию лишения свободы на определенный срок условно в 2009 году было приговорено 341 513 человек, в 2010 — 307 209 человек, в 2011 — 282 227, в 2012 — 221 908, в 2013 — 201 550, в 2014 — 197 859, в 2015 — 170 657, в 2016 — 185 461, в 2017 — 177 129, в 2018 — 169 484 человека.

Вместе с тем эффекты безопасности наиболее ярко проявляются при применении дополнительных наказаний. Так, ограничение свободы в качестве дополнительного наказания было назначено в 2010 году 1386 лицам, в 2011 — 4729, в 2012 — 5791, в 2013 — 6346, в 2014 — 6886, в 2015 — 7790, в 2016 — 8639, в 2017 — 9274, в 2018 — 8905 осужденным. Несмотря на небольшой удельный вес данного вида наказания, который в 2010 году составил 6 %, а в 2018 — 10 %, количество осужденных к ограничению свободы как к дополнительному виду наказания возросло примерно в семь раз.

Стремительно растет назначение наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Так, к данному виду наказания в 2009 году было приговорено 7486 человек, в 2010 — 9923, в 2011 — 12 599, в 2012 — 12 124, в 2013 — 12 225, в 2014 — 11 437, в 2015 — 19 555, в 2016 — 61 280, в 2017 — 66 105, в 2018 — 64 285 человек.

Заключение

Проведенный нами анализ законодательной регламентации отдельных видов наказаний и практики их применения российскими судами показал, что между законотворческой и правоприменительной практикой существует определенный разрыв. Если законодательство в его изменениях оказывается достаточно чувствительным к запросу общества на безопасность как конечную цель наказания и основные изменения лежат именно в этой плоскости, то судебная система при выборе основных видов наказаний демонстрирует некую инерционность, в качестве приоритетных рассматривая и применяя наказания, в потенциал которых заложена возможность исправительного воздействия. Чувствительность к запросу на безопасность суды проявляют при использовании дополнительных видов наказаний.

Еще больший разрыв существует между законодательством и теорией уголовного права. Безопасность в доктрине уголовного права не рассматривается как конечная цель, в том числе и исправительных мер. Она остается за пределами научного дискурса о целях наказания.

Полагаем, что есть смысл на законодательном уровне обозначить безопасность как конечную (наряду с восстановлением социальной справедливости) цель уголовного наказания, указав на исправление, частную и общую превенцию как на способы ее достижения. Содержание частной превенции считаем возможным рассматривать как фактическое снижение возможности лицом для совершения преступления — сделать его безопасным в прагматическом смысле.

Предлагаем изложить ч. 2 ст. 44 УК РФ (или соответствующую статью нового уголовного закона) в следующей редакции: «Наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости и обеспечения безопасно-

сти путем исправления осужденного, снижения для него возможности совершения новых преступлений, а также предупреждения совершения преступлений иными лицами».

ЛИТЕРАТУРА

1. Дуюнов В.К. Проблемы уголовного наказания в теории, законодательстве и судебной практике. Курск, 2000.

2. Жалинский А.Э. Понятие, виды и цели наказания // Уголовное право России: в 2 т. Т. 1: Общая часть / под ред. А.Н. Игнатова, Ю.А. Красикова. М., 1999.

3. Наумов А.В. Российское уголовное право. Курс лекций. Т. 1. Общая часть. М., 2004.

4. Ной И.С. Вопросы теории наказания в советском уголовном праве. Саратов, 1962.

5. Пудовочкин Ю.Е. Ответственность несовершеннолетних в уголовном праве: история и современность. Ставрополь, 2002.

6. Разгильдиев Б.Т. Систематизация видов уголовной ответственности посредством категории «цель» // Категория «цель» в уголовном, уголовно-исполнительном праве и криминологии: материалы IV Российского конгресса уголовного права. М., 2009.

7. Становский М.Н. Назначение наказания. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 1999.

8. Фуко М. Территория, безопасность, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978. М.: Наука, 2011.